

ИСТОЧНИКИ ДОХОДОВ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МУСУЛЬМАНСКОГО ДУХОВЕНСТВА (НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В статье на примере Оренбургской губернии проанализированы источники доходов мусульманского духовенства, дана общая оценка его экономического положения. Автор приходит к выводу о том, что достаток служителей ислама напрямую зависел от уровня благосостояния прихожан, которые обеспечивали его пожертвованиями, платой за совершение треб и обучение своих детей.

Ключевые слова: ислам, мусульманское духовенство, мулла, муэдзин, доходы, экономическое положение, Оренбургская губерния.

Если священнослужители господствующей православной церкви получали в Российской империи денежные оклады и даже пенсионное обеспечение из государственной казны, то мусульманское духовенство по большей части не имело фиксированного содержания даже от своих прихожан. По данным 1854 г., из 185 имамов и муэдзинов Оренбургского уезда только 37 служителям культа местные общины устанавливали ежегодное гарантированное вознаграждение [1, с. 106]. Основными же источниками средств существования для мусульманского духовенства были: отчисление закята или общественная запашка земли, плата за совершение религиозных треб, пожертвования, фидия (откуп за грехи умершего), взносы за обучение в конфессиональных школах (мектебе и медресе), доходы от занятия сельским хозяйством и предпринимательской деятельностью.

В соответствии со Священным Кораном одним из пяти столпов ислама является закят – уплата очистительной милостыни в пользу нуждающихся. Она становится обязанностью (фарзом) для мусульманина, если:

- верующий достиг половой зрелости, психически здоров, лично свободен и не является должником;
- в течение года был собственником средств, превышающих его собственные основные потребности;
- а его имуществу, богатству свойственно возрастание (нама). В случае отсутствия прироста, закят уплачивается только с золота и серебра.

Необходимость внесения закята (ваджиб) наступает лишь при наличии у мусульманина денег или товаров определенной стоимости (нисаб). За вычетом средств, предназначенных на

уплату долгов, она составляет сумму, эквивалентную стоимости 20 мискалей золота (82 грамма). В соответствии с нормами шариата лица, не обладающие такой суммой или имуществом, считаются бедными и сами должны получить помощь от других.

С денежных средств и стоимости товаров на закят отчисляется 1/40 часть. С принадлежащего мусульманину скота он рассчитывается дифференцировано: 1 овца с каждых 40, 1 корова с каждых 30 и 1 верблюд с каждых 5. Для лиц, занимающихся земледелием, предусмотрен особый вид закята – ушр в размере 1/10 части собранного урожая. Однако если крестьянин платит за орошение участка, он сокращается до 1/20 части. Ушр отчисляется с урожая таких культур, как пшеница, ячмень, просо, рис, арбузы, огурцы, баклажаны, маслины, кунжут, клевер, сахарный тростник, фрукты, а также с полученного меда. Для мусульман, занимающихся земледелием, садоводством и огородничеством, выращенные ими продукты питания становятся дозволенными по шариату (халяль) только в том случае, если они неукоснительно уплачивают с них ушр [2, с. 141–143; 3, с. 299–317].

В соответствии с аятом 60 суры «Ат-Тауба» («Покаяние») Священного Корана [4, с. 155] милостыня предназначается:

- бедным, не обладающим собственностью в размере нисаба;
- нищим, которые не имеют необходимого и нуждаются;
- больным, которые не в состоянии заработать себе на хлеб;
- сборщикам закята и их помощникам, назначенным властями;

– верным союзникам, которых нужно привести к согласию в интересах ислама и для его победы, а также тем, кто призывает к исламу и увещевает о нем;

– для освобождения рабов и выкупа пленных;

– для погашения долгов тех верующих, которые не имеют средств на их уплату, если причина долга не связана с каким-либо грехом;

– тем, кто находится на пути служения Аллагу;

– странствующим, оторванным от своего имущества, дома и родных.

При этом наиболее предпочтительной является передача закята неимущим, а также лицам, посвятившим себя служению Аллаху. Известный знаток татарского быта П. А. Шино в середине XIX в. отмечал, что «всякому мулле милостыни подают более, нежели всем нищим деревни вместе» взятым [5].

В историческом прошлом, когда большинство населения Российской империи составляли крестьяне, именно ушр был наиболее распространенным видом закята, помощи мусульманскому духовенству на территории Оренбургского края. Поскольку сами служители культа зачастую не имели свободного времени для сельскохозяйственных работ, члены общины так же могли организовывать в их пользу общественную запашку земли. Например, известно, что в начале XX в. прихожане Сеиткуловской соборной мечети 1-й Каракипчакской волости Оренбургского уезда ежегодно выделяли имаму Абу-халыфу Габдрахимову обособленный участок, но сами обрабатывали его по очереди и собирали урожай в доход своего муллы [6, л. 350].

Наряду с закятом, другим важным источником финансирования мусульманского духовенства была плата за совершение религиозных обрядов: наречения имени (исем кушу), бракосочетания (никах), погребения (джаназа) и поминовения умерших. Ее размеры не были строго определенными и зависели от состоятельности и усмотрения самого дающего. Так, за чтение молитвы над новорожденным мулла получал не более 10 коп. в деревне и 50–60 коп. в городе [7, с. 24]. Величина платы за проведение никаха рассчитывалась как 1/40 часть калыма, то есть 2,5 коп. с каждого рубля. На рубеже XIX–XX вв. ее размер в Оренбургской губернии составлял от 1 до 3 руб. [8, л. 154–157; 9, л. 686–687 об.]. За совершение

погребального обряда уплачивалось от 20 коп. до 2 руб. [10, с. 318].

Поскольку размеры платы за исполнение религиозных треб не были закреплены, это открывало дорогу для злоупотреблений и вымогательств. Так, например, 28 февраля 1898 г. доверенные от 63 прихожан соборной мечети поселка Чесноковского Нижне-Озерной станицы Оренбургского казачьего войска (ОКВ) подали жалобу в Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС), где указали, что их 1-й мулла «Мухаметлатиф Галиев Бакиров, 79 лет от роду, стар и совершенно лишен уже два года зрения, а 2-й, его сын Сулейман, пользуясь слабостью и слепотой отца, управляет всеми делами их прихода, позволяет себе требовать принудительно слишком тяжелую для них, прихожан, плату за исполнение духовных треб, а в противном случае отказывается под разными предлогами (...) За венчание оба взимают совершенно непомерную плату, не сообщаясь с правилами шариата и стоимостью калыма, а поступают по своему усмотрению, причем почти с каждого брака требуют до 15 рублей, а буде не в состоянии, то они таковой оставляют под предлогом, что жениху или невесте не вышли года, и тем их, доверителей, совершенно разоряют». Хотя факты вымогательства подтвердили 4 свидетеля, Собрание посчитало, что «обстоятельства дела не дают достаточных оснований для заключения о том, чтобы такое вознаграждение было непосильно для этих лиц, и чтобы они делали это не добровольно, а будучи вынуждены притязательностью мулл» [11, л. 942–948 об.].

Однако наиболее значительной статьей финансовых поступлений для мусульманского духовенства были добровольные пожертвования прихожан и, прежде всего, в 2 годовых религиозных праздника – разговения (Ид аль-Фитр или Ураза-байрам) и жертвоприношения (Ид аль-Адха или Курбан-байрам). После окончания поста и месяца Рамадан каждый мусульманин обязан сделать особое подаяние (садака аль-фитр) за себя и каждого мужчину, находящегося на его иждивении (малолетних сыновей, опекаемых, престарелого отца и др.). При этом в отличие от закята садака разговения подлежит уплате независимо от материального положения человека. Согласно шариату в день праздника верующий должен раздать S са пшеницы или муки (2,25 кг) либо 1 са (5,5 кг) ячменя и других продуктов либо

их стоимость в денежном выражении [3, с. 313–317]. В начале XX в. каждый мусульманин Волго-Уральского региона жертвовал не менее 20 коп. и более в зависимости от достатка, что давало мулле в сельских приходах от 50 до 100 руб., а в городах – 400-500 руб. На праздник жертвоприношения духовным лицам подавали меньше потому, что садака не является обязательной. Но по заведенному порядку им доставалась лучшая часть мяса и все шкуры жертвенных животных, продажа которых приносила до 80-100 руб. [7, с. 24–25].

После смерти кого-либо из прихожан духовному лицу выделялась часть наследства в качестве фидии – компенсации за неисполненные покойным при жизни религиозные обязанности. Журналом ОмДС от 5 августа 1892 г. было определено, что за каждую пропущенную молитву или день поста полагалось выплачивать по 4 s фунта пшеницы (1,945 кг) либо ее стоимость в денежном выражении, если она не превышала 1/3 всего наследственного имущества и была прямо указана в завещании [12, с. 52]. На практике за умершего мужчину духовному лицу отдавали лучшую одежду, хозяйственные принадлежности, в богатых семьях – даже лошадь или корову, а за женщину – пуховую перину [7, с. 25–26].

За преподавание в традиционной мусульманской школе духовенство не получало фиксированного вознаграждения, а содержалось за счет добровольных пожертвований деньгами, продуктами питания, дровами для отопления в зависимости от материального положения родителей. В начале XX в. такая плата за обучение в Оренбургской губернии составляла от 25 коп. до 2 руб. в год с человека [13]. При этом дети из бедных семей полностью освобождались от любых взносов. Но даже такая необязательная, дифференцированная система оплаты давала мусульманским духовным лицам существенную прибавку к доходам. Так, по данным 1908 г., в Оренбургской губернии из 1369 преподавателей мектебе и медресе только 16 обучали совершенно бесплатно (1%), 566 имели неопределенное вознаграждение (41%), менее 50 руб. в год получал 71 педагог (5%), от 50 до 100 руб. – 108 (8%), от 100 до 150 руб. – 58 (4%), от 150 до 200 руб. – 16 (1%) и более 200 руб. в год – 514 человек (38%) [14, л. 14 об.].

В целом, в начале XX в. мусульманский сельский приход приносил всему духовенству от 200 до 700 руб. ежегодно, а городской – до 2000-3000

руб. Причем в деревнях большая часть поступала натурой – хлебом и другими продуктами питания, а в городах – деньгами [7, с. 23].

Несмотря на солидные заработки по основной, профессиональной деятельности, служители культа дополнительно занимались сельским хозяйством, промыслами и торговлей. Так, в начале XX века в Оренбургском уезде мулла 1-й соборной мечети Сеитовского посада Хайрулла Усманов продавал бакалейные и колониальные товары, имам деревни Кутлумбетовой Габдулшакур Хасанов вел мелочную торговлю, мулла поселка Григорьевского Загретдин Хасанов держал мануфактурную лавку [15, с. 287, 293; 16, л. 393–394 об.] и т. д. По запросу одного из мулл ОмДС журналом от 11 августа 1903 г. №16 даже специально разъяснило, что «занятие торговыми делами духовным лицам магометанского вероисповедания не воспрещается, со взятием установленных свидетельств и с тем, чтобы от этого не было упущений по службе» [17, с. 207].

Дополнительные источники доходов обеспечивали служителям исламского культа более высокий уровень достатка, материального благосостояния по сравнению с массой рядовых верующих. Например, по данным 1842 г., в Верхнеуральском уезде некоторые имамы заседали в своих деревнях самые большие участки среди всех жителей: ахун деревни Ишкуловой Биргали Ишкулов – 117 пудов ярового хлеба, мулла деревни Расуловой Гайса Султанбеков – 135 пудов, мулла деревни Кулушевой Мухаметгали Хасанов – 145 пудов, а мулла деревни Биккуловой Кутлузаман Тушмакаев – 160 пудов ярового хлеба [18, с. 19, 20, 33, 40]. Известно, что в 1862 г. самый крупный табун лошадей на всем Южном Урале из 700 голов принадлежал мулле деревни Кутучевой Аллаберде Джаналину, который кочевал по реке Ток в Оренбургском уезде [1, с. 105].

Правда, постоянная занятость в приходе для руководства ежедневной пятикратной молитвой, совершения треб по запросам верующих, обучения детей в конфессиональных школах не всегда позволяла духовным лицам широко вести сельское хозяйство. Анализ данных об экономическом положении 25 служителей ислама по Оренбургскому уезду за 1912 г. показывает, что средний размер семьи у них составлял 6-7 человек, в том числе 1 взрослый мужчина, 4-5 женщин и неспособных к труду, а также 1 малолетний ребенок в возрасте до 5 лет. В об-

щем, на каждое хозяйство приходилось 6 десятин посеянного хлеба, 3 лошади, 2 коровы и 6 голов мелкого рогатого скота. Это соответствует средним показателям по Оренбургской губернии для обычной крестьянской семьи того времени [19, л. 99 об. – 105; 20, л. 3–10].

Достаток мусульманского духовенства напрямую зависел от уровня благосостояния прихожан, которые обеспечивали его пожертвованиями, платой за совершение треб и обучение своих детей. В малочисленных или бедных приходах муллы и муэдзины сами с трудом сводили концы с концами, а их экономическое положение ухудшалось вместе со всей общиной в период неурожая, эпизоотий, стихийных бедствий и пожаров.

Так, согласно журнальному постановлению Оренбургского губернского правления от 22 апреля 1892 г. имам Ахуновской соборной мечети Верхнеуральского уезда Шарафутдин Ахметович Надыршин был переведен в Булатовский приход Троицкого уезда. Однако затем он обратился к администрации с просьбой оставить его на прежнем месте потому, что жители Булатовского поселка «в виду постигшего их в прошлом году неурожая хлебов и трав, потерпев убытки, не могут доставлять духовенству должное обеспечение». По журналу Губернского правления от 5 ноября 1892 г. №1060 мулла был возвращен обратно (указ от 11/12 ноября 1892 г. №5029) [21, л. 310–310 об.].

Или, например, 22 мая 1912 г. азанчей поселка Донского Ильинской станицы ОКВ Мардыкамилль Ягофарович Абликеев подал заявление земскому начальнику 3-го участка Оренбургского уезда, в котором указал, что его семья состоит из 12 душ обоего пола. «По случаю неурожая яровых и трав в 1911 г.» он «лишился почти всего скота», за исключением 2 лошадей и 2 коров. А между тем, его приход объединял всего 45

дворов самого «бедного состояния», которые не способны содержать свое духовенство. По просьбе муэдзина ОМДС резолюцией от 4 июня 1912 г. решило выдать ему пособие в размере 15 руб. сроком на 3 года [22, л. 13–13 об., 17].

Мулла поселка Нижне-Чебенского Оренбургского уезда ОКВ Абдулхалик Ураев в крупный пожар 4 мая 1882 г. потерял почти все движимое и недвижимое имущество. Со своей семьей он жил в небольшой избе без пристроя, держал 2 лошади и 2 козы. Летом засеял всего «2 десятины земли, и этим хлебом питался, получая скудное вознаграждение от своих прихожан за выполнение духовных треб». Когда имам обратился к властям с просьбой о денежном пособии в размере 100 руб. на 3 года, Оренбургское губернское правление ему отказало именно потому, что в отличие от других погорельцев духовное лицо имело пусть небольшой, но дополнительный заработок за совершение частных религиозных обрядов [23, л. 164–166].

Таким образом, в отличие от православных священнослужителей в Российской империи мусульманское духовенство не получало государственного содержания. Его основными источниками средств к существованию были: отчисление закята или общественная запашка земли, плата за совершение религиозных треб, жертвования, фидия (откуп за грехи умершего), взносы за обучение в конфессиональных школах (мектебе и медресе), доходы от занятия сельским хозяйством и предпринимательской деятельностью. В совокупности они обеспечивали служителям исламского культа более высокий уровень достатка по сравнению с массой рядовых верующих. В то же время экономическое положение мусульманского духовенства напрямую зависело от уровня благосостояния прихожан и ухудшалось вместе со всей общиной в период неурожая, эпизоотий, стихийных бедствий и пожаров.

14.07.2011

Список литературы:

1. Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. Уфа, 1999. 194 с.
2. Введение в ислам (Мухтасар ильми-халь). СПб., 2005. 192 с.
3. Тахмаз А. Ханафитский фикх в новом обличье. Том 1. Нижний Новгород, 2007. 512 с.
4. Коран. Пер. с араб. акад. И. Ю. Крачковского. М., 1990. 528 с.
5. Шино П. А. Волжские татары // Татарстан. 1992. №№11–12. С. 68.
6. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 11. Оп. 3. Д. 4237.
7. Коблов Я. Д. О магометанских муллах. Религиозно-бытовой очерк. Казань, 1998. 26 с.
8. ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4231.
9. ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4239.
10. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост. и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д. Ю. Арапов. М., 2001. 367 с.
11. ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4221.
12. Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу ОМДС. 1841–1901 гг. Уфа, 1902. 262 с.

13. Оренбургская газета. 1913. 15 ноября. №253.
14. ГАОО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 256.
15. Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1915 г. Пермь, 1917. 637 с.
16. ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4241.
17. Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу ОмДС. 1836-1903 гг. Уфа, 1905. 332 с.
18. Асфандияров А. З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа, 2009. 744 с.
19. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. И-295. Оп. 6. Д. 2585.
20. ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 2768.
21. ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4206.
22. ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 2782.
23. ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4173.

Сведения об авторе: **Денисов Денис Николаевич**, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала ОГУ, кандидат исторических наук 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, тел. (3532) 372564, e-mail: dingez56@mail.ru

UDC 297

Denisov D.N.

Orenburg state university, e-mail: dingez56@mail.ru

THE SOURCES OF LIVELIHOODS AND ECONOMIC SITUATION OF MUSLIM CLERGY (ON THE EXAMPLE OF ORENBURG PROVINCE)

This article analyzes the sources of livelihoods and gives a general assessment of economic situation of Muslim clergy on the example of Orenburg province. The author concludes that his wealth is directly dependent on the financial position of his parishioners, who provided to him donations, payment for performance of religious rites and for education of children in religious schools.

Key words: Islam, Muslim clergy, mullah, muezzin, income, economic situation, Orenburg province.

Bibliography:

1. Azamatov D. Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly at the end of XVIII – XIX centuries. Ufa, 1999. 194 p.
2. Introduction to Islam (Mukhtasar Ilmi-hal). St. Petersburg, 2005. 192 p.
3. Tahmaz A. Hanafi fiqh in a new guise. Volume 1. Nizhny Novgorod, 2007. 512 p.
4. Koran. Trans. from Arab. of acad. I. J. Krachkovsky. Moscow, 1990. 528 p.
5. Shino P. A. Volga Tatars // Tatarstan. 1992. №№11-12. P. 68.
6. State Archive of Orenburg region (SAOR). F. 11. In. 3. C. 4237.
7. Koblov J. D. On the Mohammedan mullahs. Religious and household essays. Kazan, 1998. 26 p.
8. SAOR. F. 11. In. 3. C. 4231.
9. SAOR. F. 11. In. 3. C. 4239.
10. Islam in the Russian Empire (laws, descriptions, statistic) / Comp. and author of the introductory articles, comments and applications D. Y. Arapov. Moscow, 2001. 367 p.
11. SAOR. F. 11. In. 3. C. 4221.
12. Collection of circulars and other directives governing the district of OMSA. 1841-1901. Ufa, 1902. 262 p.
13. Orenburg newspaper. 1913. November 15. №253.
14. SAOR. F. 73. In. 1. C. 256.
15. Ural commercial-industrial calendar for 1915 year. Perm, 1917. 637 p.
16. SAOR. F. 11. In. 3. C. 4241.
17. Collection of circulars and other directives governing the district of OMSA. 1836-1903. Ufa, 1905. 332.
18. Asfandiyarov A. Z. History of villages of Bashkortostan and contiguous territories. Ufa, 2009. 744 p.
19. Central State Historical Archives of the Republic of Bashkortostan (CSHA RB). F. I-295. In. 6. C. 2585.
20. CSHA RB. F. I-295. In. 6. C. 2768.
21. SAOR. F. 11. In. 3. C. 4206.
22. CSHA RB. F. I-295. In. 6. D. 2782.
23. SAOR. F. 11. In. 3. C. 4173.